

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МУСУЛЬМАН СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА¹

Современный российский ислам разнообразен. В каждом регионе, где проживают мусульмане, сложилась своя специфика религиозных практик; кроме того, степень включенности мусульманских народов в исламскую практику значительно колеблется. Так, по данным социологических исследований, только 18 % мусульман Татарстана умеют совершать намаз [Ахметова и др. 2014: 285], а среди чеченцев 82 % выполняют пятикратную молитву ежедневно [Шевченко, Текушев 2011: 195].

С целью изучения специфики содержания и степени выраженности религиозной (конфессиональной) идентичности этносов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, адыгов) проведено социально-психологическое исследование. Всего в исследовании приняли участие 508 чеченцев, 478 ингушей, 470 адыгов (435 респондентов идентифицировали себя как кабардинцы, 35 — как черкесы), 132 карачаевца, 125 балкарцев. Для изучения структуры социальной идентичности использовались следующие методики: тест Куна-Макпартленда «Кто Я?», неоконченные предложения (авторский вариант), опросник (авторский вариант). Распределение ответов было получено с помощью статистического пакета SPSS for Windows 18.0.

Остановимся подробнее на некоторых особенностях религиозной идентичности респондентов. Результаты теста «Кто Я?» показали, что религиозную идентичность в качестве наиболее значимой категории социальной идентичности указали около 50 % чеченцев, ингушей, карачаевцев, тогда как для адыгов и бал-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-06-10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросскультурный анализ».

карцев она значима в меньшей степени. Так, частота указания своей религиозной идентичности у адыгов составляет только 21 %.

Содержание религиозной идентичности было изучено с помощью методики «Неоконченные предложения». Анализ ответов на неоконченное предложение *«Быть настоящим мусульманином — это значит...»* выявил существенные различия в содержании религиозной идентичности респондентов. Для вайнахов и карачаевцев *Быть мусульманином — это огромное счастье, это радоваться, быть самым счастливым, стоять на самой высшей ступеньке, идти по правильному пути (инг.); Для меня это все; Быть поистине счастливым человеком; Быть ближе к раю; Я горжусь тем, что я мусульманка (чеч.), Быть самым счастливым человеком; Тебе очень сильно повезло (карач.)*.

Вайнахские и карачаевские респонденты обозначали в качестве *необходимых* содержательных компонентов религиозной идентичности соблюдение пяти столпов ислама, знание Корана, шариата; нравственные нормы в отношениях с людьми: *Достойно прожить эту жизнь, которая дарована и предначертана Всевышним, никогда не давая никаким жизненным трудностям, какими бы они ни казались большими, поставить себя на колени, не ропща, искренне веря, моля и уповая во всем полностью на Аллаха; Уважительно относиться к окружающим, и главное быть чистым душой; Любить людей; Желать всем того, чего желал бы себе (инг.); Быть справедливым, честным человеком. Сильным; Быть мужественным, всезнающим, верующим. Не лицемерить. Не завидовать, помогать нищим, не лгать; Быть честным, гордым, не сдаваться ни перед чем; Быть благочестивым; Быть гордостью, быть скромностью всех; Быть праведным человеком; Жить честно, умереть достойно (чеч.)*.

Анализ содержания религиозной идентичности балкарских респондентов также показал гордость за свою религию. Но в отношении соблюдения религиозных практик наши респонденты высказывались менее однозначно. По мнению некоторых балкарских респондентов, быть мусульманином — это *Не делать ничего плохого и по возможности соблюдать правила; Верить в Бога молча, для себя (балк.)*. Встречались ответы, которые проводили

границу между религиозной и гражданской идентичностью: *Быть настоящим мусульманином — это знать законы, нормы гражданского государства, где живут* (балк.). Можно было встретить примеры смены конфессиональной принадлежности: *Быть мусульманкой — это быть покорной Аллаху, но, являясь православной христианкой, считаю, что это соблюдение всех законов Божьих* (балк.). А 18-летний балкарец обозначил свою религиозную идентичность как *итсист* — т.е. наличие веры, не связанной с рамками конкретной религии.

Подобные ответы встречались и в анкетах адыгских респондентов и свидетельствовали о том, что вопреки этнической традиции ряд адыгов не считают себя мусульманами, верующими. *«Быть настоящим мусульманином — это значит...» Быть арабом и жить в одной из арабских стран; Не знаю, я христианка; Я не мусульманин; Не кричать на каждом шагу, что ты мусульманин. А вообще мне все равно, я атеист; Не знаю, наверное, я ненастоящий мусульманин (для меня это не самое важное в жизни)* (каб.).

Встречались ответы, отражающие беспокойство кабардинских респондентов за попытки мусульман активно навязать свою религиозность окружающим. Такие ответы, как и ответы ряда балкарских респондентов, обозначили возможные конфликты между религиозной и гражданской идентичностью: *«Быть настоящим мусульманином — это значит...» оставаться верным вере и не пытаться навязывать ее окружающим* (каб.); *Знать главные столпы религии, выполнять их по мере возможности в условиях проживания; Умение сочетать религиозную практику и требования светского государства* (черк.).

Еще большую озабоченность и беспокойство отразили ответы, в которых рефреном звучал призыв: *«Быть настоящим мусульманином» значит не убивать: Быть не фанатичным и не убивать и не резать людей; Не убивать, чистое сердце, быть добрым; Не лгать, не желать зла другому, не мстить, не убивать, не воровать, следить за речью и многое другое; Быть добропорядочным, не унижать другие религии, не совершать зло, не пить, не курить, и не убивать. А самое главное верить в Аллаха* (каб.).

Другую сторону, отражающую определенные сложности, связанные с выполнением религиозной практики в Кабардино-Балкарии, продемонстрировал такой ответ: *«Быть настоящим мусульманином» значит верить в то, что Аллах есть и он Велик, и что он поможет в трудную минуту, если искренне попросить. А следовать сейчас всем законам шариата небезопасно* (каб.).

Анализ ответов, раскрывающих содержание религиозной идентичности респондентов Северного Кавказа, показывает, что при отнесении большинства северокавказских народов к мусульманскому пространству РФ, степень включенности их в религиозную практику и понимание сути религиозности в контексте ислама очень разное. Кроме того, среди адыгов и, реже, балкарцев встречаются лица, не относящие себя к мусульманской умме.

Еще одним интересным показателем, позволяющим охарактеризовать степень религиозности респондентов, было отношение в полиюридизму, исторически сложившемуся в обществах Северного Кавказа. Полиюридизм (правовой плюрализм) — такая правовая ситуация, когда параллельно действуют нормы обычного права (*адат*), законы шариата и система современного российского законодательства [Першиц 1998: 81]. Специфика общественной жизни северокавказских народов такова, что различные правовые системы дополняют друг друга. Факты юридического плюрализма не являются уникальной чертой современного российского Кавказа; они в той или иной степени наличествуют в Японии, США, Швейцарии, Франции. Для народов мира, исповедующих ислам, эта ситуация тоже является достаточно распространенной.

В ходе анкетирования мы задали нашим респондентам следующий вопрос: «Как Вы считаете, чем должно прежде всего регулироваться ваше поведение в настоящее время (расставьте цифры от 1 до 5 в порядке повышения значимости: 1 — наименее важное, 5 — самое важное):

- законами шариата;
- общегосударственными законами;
- национальными обычаями и традициями;
- нормами национальной этики;
- нормами и требованиями своего рода / тейпа (тайпа).

В различных группах респондентов баллы распределились по-разному: законами шариата предпочитают руководствоваться ингуши (3,7 баллов), карачаевцы (3,6) и балкарцы (3,5). Наивысший балл по предпочтениям традиций показали чеченцы (3,7), адыги (3,7) и ингуши (3,6). Ориентируются на свой род в большей степени адыги (3,3) и балкарцы (3,2). В этих обществах понятие рода связано не столько с понятием родства, сколько с родовитостью, проистекающей из сословных различий, исторически сложившихся в обществах Северо-Западного Кавказа.

Детальный анализ регуляторов поведения позволил выстроить ранговую структуру регуляторов социотипического поведения. Законы шариата оказались на первом месте у ингушей и представителей карачаево-балкарского этноса, а традиции и обычаи — у адыгов и чеченцев. Примечательно, что у адыгов законы шариата оказались на последнем месте. Важнейшими регуляторами социального поведения для них наряду с традициями и обычаями являются нормы адыгской этики Адыгэ Хабзэ. У вайнахов, карачаевцев и балкарцев тесно переплетаются в единое целое религиозные и традиционные общественные нормы.

Проведенное исследование, направленное на изучение содержания и специфики религиозной идентичности народов Северного Кавказа, показало, что наибольшую религиозность продемонстрировали ингуши, чеченцы и карачаевцы. Изучение содержания религиозной идентичности выявило целый ряд существенных особенностей осознания себя представителем мусульманской уммы у разных этносов Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа.

Библиография

Ахметова С.А. и др. Социология культурного многообразия. Казань, 2014.

Першиц А.И., Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // *Общественные науки и современность.* 1998. № 1.

Шевченко К., Текушев И. Ислам на Северном Кавказе в зеркале общественного мнения // *Ислам на Северном Кавказе: история и современность.* Прага, 2011.